

- Сергей Константинович, последние 5 лет с самых высоких трибун постоянно звучало, что развитие системы образования, равно как и социальной сферы, является приоритетным в России. Однако доля расходов на эту сферу составляет порядка 1,2 процента. Уровень стран третьего мира. Значит ли это, на ваш взгляд, что решение проблем образования на самом высоком уровне решили оставить до лучших времен?

- Думаю, скорее тут проявляется непонимание остроты проблем, стоящих перед образованием, и его значения. У нас основные инвестиции направляются в добывающие отрасли. Хотя когда из земли выкачают все, никакой прибыли больше не будет. Между тем один доллар, вложенный в образование, спустя 10 лет дает 7 долларов (или 700 процентов) прибыли.

В последнее время и в самой российской системе образования смещены акценты. Если раньше средняя и особенно высшая школа имели классическую основу и готовили специалистов в области фундаментальных наук, то сегодня упор делается на прикладную систему.

- Но можно ли считать советскую систему образования классической? Если выпускник в царской гимназии знал Тита Ливия и Марка Аврелия, то наш выпускник вуза чаще всего имел о них самое смутное представление.

- И все-таки школа в советские годы шла по пути фундаментального обучения. Хотя в «черненковскую эпоху» (1984 год), когда тоже проходила реформа образования, звучали вопросы: а нужно ли вообще большое количество предметов в школе? Не проще ли ограничиться теми, которые необходимы для жизненного обихода? Зачем глубоко изучать законы физики, химии? Ведь в реальной жизни не понадобятся ни закон Ома, ни теорема Пифагора... Тем не менее тогда победил разум. Необходимо не просто знать о существовании законов естественных и общественных наук, но и то, каким образом они выведены.

Даже если учащийся не станет впоследствии физиком, химиком или математиком, у него развивается способность к логическому мышлению, анализу увиденного в этом мире, синтезу. Благодаря этим качествам мы и создали мощную армию ученых. Не случайно за российскими умами активно охотились Америка и Европа и продолжают это делать до сих пор.

Американцы же еще в начале 60-х годов прошлого века стали переходить к прикладной системе образования. Теперь в Соединенных Штатах учащегося знакомят с формулой или законом и рассказывают, как ими пользоваться. Но не обучают тому, как прийти к этому закону самостоятельно, с помощью логики. Между тем без такого опыта возможности человека к интеллектуальному производству ограничиваются.

ЗУБРИЛЫ ВМЕСТО МЫСЛИТЕЛЕЙ?

Уже не первый год в стране реформируется система образования. Однако до желаемых результатов путь еще неблизкий. Почему? Об этом размышляет президент Всероссийского фонда образования доктор педагогических наук Сергей КОМКОВ.

ФОТО АЛЕКСАНДРА МАТЮШКИНА

Есть два понятия - обучение и наука. Даже животных можно научить пользоваться отдельными предметами, открывать и закрывать двери, нажимать на кнопки, использовать те или иные механизмы. Попугай может свободно говорить на разных языках и даже с разными акцентами. Но он совершенно не понимает смысл произносимых слов, а просто копирует звуки, которые слышит. По сути прикладная система образования, которую практикуют американцы, - это научение, а не обучение.

Для такой системы наиболее оптимально применение в качестве метода оценки знаний тестов. Они стимулируют память. Человек вспоминает понятия, с которыми сталкивался, и ставит в нужном месте галочку. Поэтому и единый государственный экзамен, который внедряют в России, рассчитан на поверхностный процесс обучения.

- Но относительно ЕГЭ существует и иная точка зрения.

- Главным этапом ЕГЭ является получение так называемого государственного именного финансового обязательства (ГИФО). Чем больше ты в процессе сдачи такого экзамена набрал баллов, тем значительнее станет и субсидия государства на дальнейшее обучение в вузе. Набрал 100 баллов - получаешь сертификат на 50-процентную оплату, 80 баллов - 30 процентов. Но вуз-то государ-

ственный! Получается, сам факт введения сертификата означает перевод системы образования на платную основу.

Считается, что на Западе практически нет бесплатного образования, бюджетное финансирование очень незначительно. Например, во Франции лишь 25 процентов студентов обучается на бюджетные средства, в США - около 20, а в целом ряде европейских стран - примерно 10 процентов. Однако в этих странах изначально отсутствовала государственная высшая школа. Система высшего образования в основном складывалась как частная, негосударственная, внебюджетная. У нас же высшая школа создана на средства налогоплательщиков. Согласитесь, плата за обучение в таком случае с экономической точки зрения - двойное налогообложение - а с социальной - вообще нонсенс. Хотя я могу понять ректоров государственных вузов: они вынуждены зарабатывать деньги, вводя плату за обучение. В противном случае высшая школа просто перестанет существовать. Ведь сегодня ее недофинансирование составляет от 30 до 50 процентов от запланированных ресурсов.

- Тем не менее ЕГЭ прекрасно зарекомендовал себя на Западе.

- Единый государственный экзамен как система оценки знаний появился впервые в 50-

60-е годы во Франции. Позже его перенял ряд других европейских стран. Но с самого начала эта система не была у них главной, стержневой. Французы используют тестовую систему лишь в качестве вспомогательной при переходе от среднего образовательного звена в высшее. Если абитуриент выполнил все экзаменационные задания, но у экзаменаторов остались сомнения, то они могли проверить эрудицию, навыки моторной памяти поступающего с помощью тестов. Эту систему переняли в США, она там очень понравилась и стала преобладающей, что, впрочем, неудивительно: американцы не любят вдумываться, углубляться в изучение какого-либо явления, предмета, зато любят быстро получать результат.

В минувшем году в России ЕГЭ сдавали 800 тысяч человек. 100 баллов получили всего 257 человек. Это говорит либо об очень высоком уровне тестовых заданий, либо о полном упадке нашей системы образования. На введение в России единого государственного экзамена в 2004 году было потрачено более 960 миллионов рублей - одна пятнадцатая часть годового бюджета образования. Деньги пошли на изготовление бланков - дорогостоящих, с массой степеней защиты. Заработали на этом типографии, разного рода чиновники министерств и ведомств. Во

время парламентских слушаний по поводу введения ЕГЭ, которые проводились в декабре 2002 года, на трибуну вышла министр образования Якутии и поведала, что на проведение ЕГЭ республика потратила 50 миллионов рублей. Спустя два месяца, в феврале, там сгорел интернат, погибли дети. Потому что здания школ в этом регионе (и не в нем одном!) находятся в ужасном состоянии: прогнили проводки, все валится, нет канализации...

На деньги, потраченные на введение ЕГЭ, можно бы отремонтировать все сельские школы. Их сегодня осталось в стране около 6 тысяч, и Министерство образования намеревается их закрыть.

- Систему образования затронет и так называемая монетизация льгот. Не могли бы вы об этом рассказать подробнее?

- По существу отменяются все льготы для системы образования России. Ликвидируются все образовательные целевые фонды и гранты. Фактически отменяется норма (50 процентов) приема на бесплатной основе для обучения по трем ведущим специальностям - праву, экономике и управлению. Эта квота и без того за последние годы сокращалась, подобно шагреновой коже. Что это означает? Три кита, на которых держится государство, отданы в руки тех, кто имеет финансовые ресурсы. Теперь только дети олигархов будут иметь возможность получить образование по вышеупомянутым специальностям.

- Известно, что родители детей, которым не по зубам вузы, имеющие авторитет, устраивают их в платные высшие учебные заведения, где не всегда высокое качество образования. Между тем Владимир Путин в своем послании Федеральному собранию высказался в том смысле, что такого количества обучающихся в вузах нам не нужно.

- Если учебное заведение не отвечает элементарным требованиям, не готовит на должном уровне специалистов, значит, такой вуз не нужен. Но, с другой стороны, у нас же теперь рыночная экономика. Раз люди платят деньги, то они вправе решать, существовать этому вузу или нет.

Руководитель Федеральной службы по надзору в системе образования Министерства науки и образования Виктор Болотов заявил о необходимости введения порядка в сфере высшего образования. Боюсь, что после такого заявления ректоры многих вузов пойдут с конфертами по кабинетам чиновни-

ков, и последние будут с удовольствием их принимать и продлевать лицензию. Критика гримасы коммерциализации высшего образования, необходимо все-таки опираться на здравый смысл.

Меня бескоит и другое... Господин Болотов заявил также о том, что в филиалах государственных вузов, расположенных в малых городах, не может быть качественного образования. Мне кажется, если на курсе учатся 10-25 студентов, то качество обучения будет намного выше, чем когда их 125. Налицо попытка свести к минимуму подготовку специалистов на региональном уровне. Студенты, которые получили высшее образование в этих филиалах, вынуждены ехать в Москву, Санкт-Петербург, любой областной центр (ведь им все равно надо учиться). Но тогда они перестанут быть кадровым резервом своего региона.

- Вы нарисовали нерадостную картину в системе отечественного образования. Какую «смену вех» необходимо произвести, чтобы изменить положение дел в этой сфере?

- Меня и впрямь нередко упрекают якобы в утрировании действительности. Но реальность, уверяю вас, куда хуже. Задумайтесь, рядовые учителя не могут понять, к чему они должны привести учеников. Программ масса. Учитель запутался в них полностью. К тому же в школу пришли сейчас преподаватели, которые оканчивали вузы в 90-е годы, когда началось огульное охавание всего, что существовало до сих пор. Ничего нового не предлагалось, каждый должен выплывать как может, домисливать в меру своих сил и возможностей ту же историю. Единых подходов к преподаванию дисциплин нет, единая государственная идеология отсутствует...

Я в школе проработал 20 с лишним лет. Прошел путь от рядового учителя до директора. Школа тогда работала с 8 утра до 10 вечера. Двери, что называется, не закрывались. Все время приходили ученики, учителя готовы были ответить на любые их вопросы. Мы общались с детьми постоянно. Теперь школа перестала быть таким центром. Перестала она заниматься и методической, исследовательской работой. Центр влияния перенесся на другие «лужайки». В результате у нас процветает наркомания, детская преступность...

С чего начинать решать эти проблемы? Прежде всего с нормального обучения и подготовки учителей. Необходимо изменить образовательные стандарты, выработать критерии, по которым и оценивать образовательные программы.

Учитель должен стать не рассказчиком по какому-то предмету, а просветителем, педагогом. Тогда и школа займет в обществе подобающее ей главное место.

Беседу вел
Александр ПРИХОДИН

М РЕЗОНАНС

В № 3 «Московской среды» было опубликовано письмо нашей читательницы Анастасии Голкиной о том, какие совсем не детские проблемы создали взрослые дяди и тети четвероклашкам из 401-й школы Центрального административного округа.

Напомним, вся «вина» 4 «А» состоит в его малочисленности: высочайший артикул требует, чтобы школяров в классе было числом никак не меньше двадцати пяти. В противном случае приговор не-

СЕМЬ ВЕРСТ, И ВСЕ - ЛЕСОМ

умолим: расформирование. Такие сантименты, как то, что дружный и уже сложившийся детский коллектив разбить просто, а вот склеить потом из осколков практически невозможно, в расчет, видимо, не принимаются. Все, что осталось маленькому кораблику 4 «А», попавшему в водоворот взрослых параграфов и циркуляров, - это послать отчаянный сигнал SOS...

На днях редакция получила ответ от начальника Центрального окружного управления образования В. Лопатиной.

Исходящий № 01-21-150 начинается вроде бы оптимистично для юных просителей: «Управление образования не рассматривало решение вопроса о реорганизации школы путем расформирования класса». Однако уже следующий абзац перечеркивает за-

теплившуюся было надежду: «Директором школы № 401 получен приказ по подготовке к расформированию класса». То есть приказ, получается, ушел без «рассмотрения решения вопроса»?

Разруливать деликатную ситуацию поручили администрации школы. В официальной бумаге это звучит так: «Администрация ГОУ СОШ № 401 взяла на себя обязательство доукомплектования 4 «А» класса к концу учебного года, что позволит его сохранить». В переводе на общепонятный язык это значит, что директор школы будет бегать по микрорайону в поисках девяти юных волонтеров, чтобы довести число четвероклашек до спасительной цифры 25. Как вы думаете, будет? А если будет, то навербует? Вот и мы о том

же. Это, видимо, прекрасно понимают и в управлении. А потому - «при сохранении численности 16 человек управление образования предоставит родителям возможность в соответствии с их запросами устройства детей в ближайшей школе». Во благодать-то! То есть детям из разрозненного класса милостиво разрешается хоть где-то в дальнейшем учиться! Как говорится, и на том спасибо великое...

А теперь вопрос: вы что-нибудь поняли из отписки, присланной из управления образования ЦАО в редакцию? Мы поняли лишь одно: руководство управления самоустранилось от решения проблемы. И спасение утопающих остается делом рук самих утопающих.

Александр ЧУДАКОВ